

ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД:
ИЛЛЮЗИИ «ЛИЧНОСТНОГО МОНИЗМА ИСТОРИИ»

Рагозина Т.Э.

Донецкий национальный технический университет

Вряд ли кто будет спорить с тем, что культура есть форма человеческой деятельности. В общем виде этот взгляд разделяют все философские направления. Во всяком случае, начиная с середины XVIII–начала XIX столетия, понимание специфики культуры, осуществлявшееся в рамках антитезы «культура – природа», прочно связывалось всеми философскими направлениями без исключения с человеческой деятельностью, со *специфически человеческим способом существования*. Другое дело, что *сущность* этого специфически человеческого способа жизнедеятельности разные направления усматривали и продолжают усматривать ныне в самых разных его свойствах, на деле принимая за сущность разные *формы её проявления*. А потому неудивительно, что и культура предстаёт в самых различных своих ипостасях: «культура как *разум*», «культура как *труд*», «культура как *религия*», «культура как *нравственность*». XX век вносит свою щедрую лепту, умножая и без того разнообразный лик культуры все новыми ипостасями: «культура как *язык*», «культура как *диалог*», «культура как *текст*», «культура как *коммуникация*» и т.д.

Популярность упомянутых сюжетных линий не только не отменяют необходимость критического осмысления возможностей каждой из них, но и выдвигают на авансцену вопрос о теоретической ценности самого исходного постулата, заставляя задуматься о его методологических возможностях в целом. В частности, способно ли сложившееся за последние полвека в отечественной литературе понимание культуры, идейно оформившееся в виде так называемого «деятельностного подхода», быть тем путём, который приведёт к раскрытию её *сущности*? Содержит ли данный подход какую-либо *перспективу* в деле построения теории культуры, как это утверждают некоторые из его адептов [1, с. 86], или он представляет собой *тупиковый вариант*? Действительно ли *деятельностный подход* обладает широкими эвристическими возможностями или его потенциал значительно скромнее? Если верно последнее, то *каковы границы* его возможностей, – это мы и попытаемся выяснить по ходу анализа.

В связи со спецификой задачи предметом нашего анализа будет не выявление особенностей, которыми позиции разных авторов

отличаются друг от друга, а, напротив, анализ того, что является *типичным для всех сторонников «деятельностного подхода»*, того, что *конституирует данный подход как таковой*. Это позволит увидеть как его достоинства, так и его ложные притязания, избавив рассмотрение от ненужных деталей и частных историй.

«Среди множества концепций и определений культуры, получивших хождение в современной мировой науке, - пишет один из ведущих представителей данного подхода В. М. Межуев, - понимание культуры как деятельности стало исходным» [2, с.280]. Своими корнями эта интерпретация культуры уходит в философскую проблематику человеческой деятельности как ключевой характеристики сущности человека. По версии Межуева, одним из первых, кто в границах обозначенной проблематики использовал *принцип деятельности* для объяснения сущности культуры и потому может по праву считаться основоположником «деятельностного подхода», был Г. С. Батищев [2, с.282].

Краеугольным камнем, лежащим в фундаменте «деятельностного подхода», является постулат о *деятельности как субстанции человеческой истории и культуры*. Свою конкретизацию этот постулат получает в предпринятой Батищевым попытке раскрыть механизм осуществления деятельности посредством категорий «опредмечивание» и «распредмечивание» [3, с.15], итогом которой стало известное определение культуры как «единства и тождества освоения и творчества», положенное в основу различных попыток построения теории культуры, которые, сменив бытовавшее до этого «*суммативное*» представление о культуре, манифестировали себя как «деятельностный подход»¹.

Несмотря на наличие в рамках данного подхода оппозиционных друг другу линий, по-разному пытавшихся выразить сущность культуры как деятельности, совершенно очевидным представляется следующее: к каким бы теоретическим группировкам *внутри* деятельностного подхода ни относили себя сами авторы, как бы ни позиционировали они себя друг по отношению к другу, как бы ни

¹ Внутри данного подхода можно выделить *два условно оппозиционных* друг другу направления, а именно: с одной стороны, представленная позициями Г. С. Батищева/ В. М. Межуева/ М. К. Петрова (а также позициями А. И. Арнольдова, Э. А. Баллера, Н. С. Злобина, Л. Н. Когана и многих других) попытка обосновать сущность культуры через призму «*индивидуально-личностного творчества*» [2, с. 284]; с другой – трактовка Э. С. Маркаряна, В. Е. Давидовича, Ю. А. Жданова, М. С. Кагана, З. И. Файнбурга и др., пытавшихся раскрыть сущность культуры «...как *всеобщей технологии человеческой деятельности...*» [4, с. 6-7], то есть – на уровне «родового субъекта», а не личности.

отличались *тактически* предпринимаемые ими способы аргументации, всех их роднит приверженность рассматривать *деятельность как субстанцию культуры* со всеми вытекающими из этого факта последствиями [2, с. 284; 4, с. 77].

И, наконец, ещё одна *типичная* черта, которая явно или неявно присутствует во всех построениях сторонников данного подхода, а не только тех, кто непосредственно писал на эту тему монографические работы (как, например, Н. Н. Трубников, Б. Воронович, М. Г. Макаров и пр.²), – это понимание структуры деятельности в соответствии с категориальной схемой *«цель – средство – результат»*.

Таким образом, *системообразующим* основанием, конституирующим деятельностный подход как таковой, выступает единство трёх моментов: 1) понимание деятельности как *субстанции* культуры, 2) усмотрение *сущностного содержания* деятельности в единстве «опредмечивания» и «распредмечивания», 3) сведение *формы* деятельности к категориальной схеме «цель – средство – результат». Это выражающее специфику деятельностного подхода *единое основание* и должно быть теперь подвергнуто анализу на предмет того, насколько плодотворным для понимания сущности культуры является данное направление в целом и каковы *имманентные границы* его возможностей.

Начнём с *содержательной* стороны деятельности и попытаемся выяснить концептуальные возможности категорий *опредмечивание-распредмечивание*. Согласно заверениям Батищева, указанные категории своим содержанием раскрывают «всеобщий способ бытия человеческой культуры, способ, каким люди делают всю свою общественную жизнь, делают свою историю» [5, с. 154]. Чтобы удостовериться, так ли это на самом деле, достаточно критически взглянуть на содержание этих категорий, которое Г. С. Батищев раскрывает в своей знаменитой статье: «Опредмечивание, - пишет он, - это переход совершаемого субъектом процесса в объект, превращение действующей способности в форму предмета. Распредмечивание – это обратный переход предметности в живой

² См.: Трубников Н. Н. О категориях «цель», «средство», «результат». – М.: Наука, 1968. – 198 с.; Трубников Н. Н. Цель // Философская энциклопедия / Ин-т философии АН СССР; гл. ред. Ф. В. Константинов. – М., 1970. – Т. 5. – С. 459-462.; Макаров М. Г. Категория «цель» в марксистской философии и критика телеологии. – М.: Наука, 1977. – 174 с.; Макаров М. Г. Телеология // Философская энциклопедия / Ин-т философии АН СССР; гл. ред. Ф. В. Константинов. – М., 1970. – Т. 5. – С. 194-195.; Воронович Б. Философский анализ структуры практики. – М.: Мысль, 1972.

процесс, в действующую способность: оно есть творческое начало освоения субъектом предметных форм культуры...» [5, с.154].

Не составляет труда увидеть, что деятельность как процесс взаимоперехода *действующей способности субъекта* в форму предметности и обратно представляет собой, вопреки заверениям автора, отнюдь не всеобщий «...способ, каким люди делают всю свою общественную жизнь», а лишь *способ освоения субъектом* всеобщих форм культуры, то есть – *механизм подключения (приобщения) индивида к культурно-историческому процессу*, но никак не *механизм функционирования самого социокультурного целого*; что категории «опредмечивание» и «распредмечивание» своим содержанием выражают *формы индивидуальной деятельности человека*, в которых осуществляется развитие его *сущностных сил*, а не *всеобщие формы бытия культуры*.

Нельзя не видеть также, что описанный механизм деятельности, к какому бы богатству развития *сущностных сил индивида* он ни приводил, не способен быть *субстанцией, порождающей форму общественной связи* по той простой причине, что это – механизм осуществления *индивидуальной деятельности* человека. Поэтому *деятельность индивида* и есть тот масштаб, который задаёт границы концептуальных возможностей категорий *опредмечивание* и *распредмечивание*, а через них – также и потенциал понятия *деятельность*.

Данное обстоятельство становится ещё очевиднее, если обратиться к рассмотрению деятельности со стороны её *формы*, получившей своё выражение в категориальной структуре «цель – средство – результат». Посредством данной структуры понятие деятельности фиксирует то *абстрактно-общее*, что одинаково свойственно любому законченному акту индивидуальной человеческой деятельности – присущую ему *форму субъективной целесообразности*. И именно потому, что структура деятельности, раскрываемая соотношением «цель – средство – результат», есть *форма субъективной целесообразности* (и ничего более), именно поэтому понятие деятельности принципиально неспособно выражать *форму объективной целесообразности* как *форму социального целого – совокупности общественных отношений*.

Понятие деятельности потому неспособно выражать *совокупность общественных отношений*, что его содержание изначально было предназначено для решения совсем других задач: в эпоху Просвещения оно своим содержанием призвано было обосновывать *форму субъективной телеологии* истории, служить

логической моделью, способной вытеснить теоцентризм и провиденциализм из истории, заменив его антропоцентризмом – концепцией исторического процесса, провозглашавшей, что человек *сам* может ставить себе *цели* и достигать нужных *результатов* с помощью определённых *средств*. Категориальная схема «цель – средство – результат» как раз и была той *философской формулой*, в которой оказалась свёрнута *деятельность индивида*, способного ставить и реализовывать свои цели, – она-то и стала *масштабом* и одновременно *границами*, заложенными Просвещением в понятие *деятельности* задолго до «деятельностного подхода» XX века.

Будучи структурным закреплением *принципа индивидуальной деятельности в форме субъективной целесообразности*, эта схема на целые столетия вперёд стала «формулой истории», которой с успехом оперировало Просвещение, благодаря чему история, собственно, и приобретала вид деяний великих исторических личностей. Никакого другого, кроме *антропоморфного* представления о сущности культуры, утверждающего *принцип личностного монизма истории*, понятие деятельности в силу заложенного в нём содержания не может предложить и поныне.

Как видим, анализ категориальной структуры «цель – средство – результат» выносит понятию *деятельность* тот же самый вердикт, а именно: понятие деятельности является теоретическим выражением «содержательного минимума», присущего законченному акту *индивидуальной деятельности*, а потому оно не может быть принципом, объясняющим «всеобщий способ бытия человеческой культуры, способ, каким люди делают всю свою общественную жизнь» [5, с. 154]. Иначе говоря, оно не может быть принципом, раскрывающим историю человеческой культуры в аспекте её *субстанциального единства*.

Если же учесть тот факт, что попытка построить теорию культуры посредством обоснования *деятельности в качестве субстанции культуры* была главным притязанием деятельностного подхода, то приходится констатировать не только *фактическую неисполненность* задуманного по сей день, но и *принципиальную его неисполнимость*. Раскрыть многообразие форм культуры в аспекте их субстанциального единства в рамках деятельностного подхода невозможно именно потому, что субстанцией культуры провозглашается то, что принципиально ею быть не может – деятельность «обособленного одиночки». Деятельностный подход, вопреки намерениям его сторонников, есть *позиция устранения субстанции в качестве теоретической точки зрения* на историю

культуры, ибо деятельностный подход есть не что иное, как «социально-философская робинзонада XX века», которая как нельзя лучше очерчивает его *границы* как тупикового варианта в деле познания сущности культуры.

Не принимая притязаний рассматриваемого подхода на раскрытие им всеобщих закономерностей развития культуры, тем не менее, можно сказать, что философия XX века благодаря «деятельностному подходу» доделала то, что не сделало в своё время *Просвещение*, провозгласившее новое мировоззрение без всестороннего порой обоснования. Несомненным достоинством «деятельностного подхода» является то, что посредством осуществлённого им анализа деятельности удалось объяснить *механизм подключения индивида к социокультурному процессу* – способ, каким люди осуществляют *развитие своих индивидуальных сущностных сил*.

К числу достоинств «деятельностного подхода» следует отнести также то, что он вплотную подвел к фиксации различных *форм культурной памяти*. Определение культуры как *способа деятельности* позволило авторам увидеть в ней такую её черту, «...как воспроизведение деятельности по исторически заданным основаниям. Эта черта культуры, - пишет В. Е. Давидович, - требует выражения в соответствующих понятиях. И, прежде всего, напрашивается для применения такой ряд понятий, как "схема", "алгоритм", "код", "матрица", "канон", "парадигма", "эталон", "стереотип", "норма", "традиция" и т. п. Все эти понятия... выражают момент устойчивости в изменяющемся содержании деятельности, переноса этого содержания, трансляции образцов и т. п.» [4, с. 88-89]. Этот вывод ценен тем, что он подводит философию к необходимости *осознания бытия такого феномена, как культурная память*, хотя и не вскрывает сущность последнего, давая лишь описание и перечисление некоторых его *особенных форм* – форм наличного бытия культурной памяти.

Таковы последствия внешне прошедшей совсем незаметно понятийной инверсии, а именно – кажущейся вроде бы безобидной подмены понятия *труда как основы общества и истории* понятием *деятельности*, пусть даже и *чувственно-предметной*. Провозгласив в качестве основы общества и культуры *деятельность*, данный подход, независимо от сознательных установок и намерений его сторонников, реставрировал *внутри марксизма* просветительскую (субъективистскую) по сути дела трактовку истории, явив собой

весьма любопытный симбиоз: *марксизм с методологией Просвещения.*

Литература

1. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая / В. А. Лекторский. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 256с.
2. Межуев В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры / В. М. Межуев. – М. : Прогресс-Традиция, 2006. – 408 с.
3. Батищев Г. С. Противоречие как категория диалектической логики / Г. С. Батищев. – М. : Высш. шк., 1963. – 119 с.
4. Давидович В. Е. Сущность культуры / В. Е. Давидович, Ю. А. Жданов. – Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1979. – 264 с.
5. Батищев Г. С. Определенность и распределенность // Философская энциклопедия / Ин-т философии АН СССР; гл. ред. Ф. В. Константинов. – М., 1967. – Т. 4. – С. 154-155.